

Чу Вэй с самого начала своего обучения избрал стезю меча.

В те годы дома оружия не водилось, так что ему приходилось выстругивать клинки самому из обычных деревяшек. Из-за малого возраста первые поделки выходили неуклюжими и мало походили на настоящие мечи — разве что длиной. Но даже с этими неказистыми брусками он упорно тренировался год за годом.

Деревянные мечи ломались один за другим. С каждым разом мастерство юноши росло: клинки выходили всё изящнее, линии — чище, и служило каждое новое оружие гораздо дольше прежнего. Со временем он и вовсе перестал строгать дерево — в его руках любая подобранная у дороги палка превращалась в грозный клинок, способный отразить удар врага.

Путь от заучивания простых ката до постижения духа меча был долгим, монотонным и лишенным всяких прикрас. Обычный человек давно бы забросил это скучное занятие, но Чу Вэй был скроен иначе. Ему была присуща редкая, почти упрямая целеустремленность: если уж за что-то брался, то расшибался в лепёшку, но доводил дело до абсолюта.

Шифу твердил, что у него редчайший дар. Сам Чу Вэй толком не понимал, что это значит, ведь равных себе он не встречал, а потому и сравнивать было не с кем.

И вот сейчас Чу Вэй, которому попросту не с кем было себя сопоставить, парил в воздухе, заставив стоявших внизу людей буквально разинуть рты от изумления.

Он медленно закрыл глаза. Вокруг царил крошечный мрак. Слабый свет от мобильных телефонов едва разгонял тьму, так что смотреть или не смотреть — разницы почти не было. Сделай пару шагов наугад, и непременно наткнешься на соседа. Но когда Чу Вэй прикрыл веки, этот жест послужил безмолвным сигналом: мир окончательно погрузился во тьму, поглотив даже те жалкие крохи света.

Люди затаили дыхание. Задрав головы, они во все глаза смотрели на замершего в небесном безмолвии юношу, боясь упустить хоть малейшее движение.

Едва барьер сомкнулся, ледяной ветер, бушевавший на пустыре, мгновенно стих. Наступило зловещее затишье. Но в следующее мгновение воздух снова пришёл в движение — прямо из земли поднялся резкий порыв. С неба посыпалась мелкая изморось, колкая и частая, словно бычьи волоски. Капли оседали на одежде, но сейчас никому и в голову не пришло бы отвлекаться на такую мелочь.

Палящий в вышине юноша наконец шевельнулся.

Его простой деревянный меч, который и оружием-то назвать было трудно — так, обычный сучок, — вдруг вспыхнул чистейшим первозданным светом. По дереву побежали яркие серебряные руны, окутывая клинок сияющим ореолом. Это свечение озарило спокойное, утонченное лицо юноши и выхватило из темноты бродящих внизу мертвецов. В этой зловещей

картине, где хрупкая красота соседствовала с уродством ходячих трупов, было нечто пугающе прекрасное.

Юноша перехватил меч обеими руками, держа его перед собой, и в то же мгновение его силуэт растаял в воздухе.

Кто-то вскрикнул:

— Где он?! Куда он делся?!

В следующий миг мрак разорвали ослепительные вспышки. Потоки чистейшего света пронзили ночную мглу, будто лучи прожектора. В этом сиянии ощущалась тяжёлая, осязаемая жажда убийства. Люди невольно потянулись взглядом за всполохами, но самого Чу Вэя так и не увидели. Вместо этого они ощутили мощнейший импульс духовной энергии. Ударная волна прокатилась по пустырю, поднимая ураганный ветер. Пыль и сухие листья полетели в лицо, заставив всех зажмуриться.

А когда они открыли глаза, всё уже было кончено.

Буря улеглась. Чёрное небо над головой начало медленно светлеть, пропуская первые предрассветные лучи. Чу Вэй неведомым образом уже стоял рядом с ними, дыша ровно и спокойно.

В этот момент Хуа Жун где-то раздобыл толстую сухую ветку.

— У кого есть зажигалка? Поделитесь огоньком.

Доу Шунь пошарил по карманам и выудил ветрозащитную зажигалку. Бросая её, он не удержался от ворчания:

— Вернуть не забудь.

В полумраке Хуа Жун ловко поймал её на лету, чиркнул кремнем и поднёс пламя к импровизированному факелу.

— Она же слишком толстая, разве разгорится от такой фитюльки? — усомнился один из молодых полицейских.

Но его сомнения рассеялись в ту же секунду. На его глазах крошечный огонёк зажигалки вдруг взвился яростным, ревущим пламенем. Воздух вокруг мгновенно раскалился, жар почувствовали даже те, кто стоял поодаль. Буквально за пару мгновений сухой сук превратился в ярко пылающий факел.

Одного факела, конечно, было мало — он освещал лишь пяточок земли вокруг них. Но пока люди прикидывали, не соорудить ли ещё парочку, Хуа Жун небрежно взмахнул рукой. Десятки огненных брызг сорвались с ветки и, словно живые искры, разлетелись во все стороны, точно опустившись на вбитые в землю гвозди для подавления трупов.

Маленькие огоньки мгновенно раздулись в ревущие костры. Подпитанные силой запечатающей формации, они озарили весь заброшенный пустырь ярким янтарным светом.

Открывшаяся картина заставила всех содрогнуться.

Все ходячие мертвецы, до этого бестолково метавшиеся по полю, теперь безжизненно лежали на земле. Тяжёлый гнёт злобы и скверны, давивший на плечи, рассеялся. В воздухе всё ещё стояла удушливая вонь разложения, но по сравнению с перспективой быть разорванными на куски мертвецами этот запах казался сущим пустяком.

Взоры присутствующих невольно обратились к юноше.

На вид ему нельзя было дать и восемнадцати. На юном, почти детском лице не отражалось ни единой эмоции. Он стоял так тихо и невозмутимо, словно эта жуткая орава упокоенных мертвецов не имела к нему никакого отношения.

Обладать такой силой в столь юные годы...

Доу Шунь поколебался секунду, затем решительно подошёл к Чу Вэю и протянул ему визитку.

— В каком ты классе? Когда сдаешь экзамены? Не хочешь попробовать поступить в полицейскую академию?

Глава Бюро особых расследований, минуту назад державшийся с величайшим апломбом, переобулся прямо на лету. Он словно забыл, как совсем недавно кривился, считая мальчишку обузой, и не желал даже смотреть в его сторону. Жизнь умеет давать звонкие пощёчины.

Чу Вэй молчал. На самом деле всё было не так просто, как казалось со стороны. Чтобы прихлопнуть всю эту нечисть одним махом, ему пришлось выложиться почти полностью. Прежний удар вымел из него добрых восемь десятых духовных сил. Сейчас внутри зияла пустота, и он держался исключительно на остатках упрямства.

Чу Вэй скользнул взглядом по визитке, соображая, как поделикатнее отказаться.

Но тут перед ним выросла ладонь Хуа Жуна.

— Премного благодарны за предложение, директор Доу, — раздался его бархатистый,

неторопливый голос. — Но у нашего Вэйвэя совсем другие планы на жизнь.

Доу Шунь смерил Хуа Жуна долгим взглядом и приподнял бровь:

— У вашего Вэйвэя?

Хуа Жун и бровью не повел. Его ничуть не смутила собственная фамильярность, как и то, что он бесцеремонно влез в чужой разговор. Он просто взял и решил всё за парня.

Доу Шунь насупился:

— Я вообще-то у него спрашиваю.

Чу Вэй тут же кивнул:

— Его слова — мои слова.

Юноша не увидел в поведении своего Шифу ничего предосудительного. Напротив, он был благодарен мужчине за то, что тот избавил его от необходимости придумывать вежливые отговорки.

Доу Шунь переводил взгляд с одного на другого, силясь понять, какие отношения связывают эту парочку. Он точно знал, что в семье Хуа никаких побочных сыновей не числилось.

Впрочем, сейчас были дела поважнее. Предстояло разобраться с горой трупов.

Здесьняя земля была пропитана вековой злобой, к тому же совсем рядом высилась Небесная башня. Стоило выдернуть гвозди для подавления трупов, как скверна хлынула наружу, выдав это гиблое место. Сюда неизбежно потянутся любопытные. А если и не живые люди, то уж толпы неприкаянных душ точно слетятся на этот пир. Злоба для призраков — изысканное лакомство.

Чтобы очистить это место, нужно было сначала упокоить души несчастных.

Послышался торопливый топот — прибыло подкрепление, вызванное Доу Шунем. Вот только оперативно прибывшие оперативники быстро поняли, что опоздали: делать им тут было решительно нечего.

Чу Вэй немного перевёл дух и посмотрел на бледную, притихшую Сян Цин.

— Сестра, подожди немного, — негромко сказал он. — Сейчас мы упокоим этих бедолаг, и я

сразу сниму с тебя Проклятие влюбленных.

Сян Цин лишь тупо кивнула. На большее у неё просто не осталось сил.

Но едва Чу Вэй сделал шаг вперёд, как Хуа Жун перехватил его за запястье и притянул обратно к себе.

— Опять за старое? Думаешь, раз молодой, так двужильный?

Чу Вэй не чувствовал особого недомогания, кроме лёгкой пустоты в меридианах. Обычное успокоение душ — дело нехитрое, молитвы почти не требуют духовных сил.

— Здесь скопилось слишком много злобы, — терпеливо объяснил он. — Если не провести обряд сейчас, быть беде.

— Без тебя разберутся, — отрезал Хуа Жун.

И действительно, тут же раздался зычный голос Доу Шуня:

— Раз уж нашего старого монаха здесь нет, зачистка ложится на ваши плечи. Живо разошлись по точкам, где были вбиты гвозди для подавления трупов. Встать по углам формации и читать сутры. Нужно упокоить эти души.

— Шеф, да мы же не умеем толком!

Доу Шунь ядовито ухмыльнулся:

— Забыли всё, что зубрили перед экзаменами при поступлении на службу? У кого с памятью туго — доставайте телефоны и ищите текст в сети. Чтобы от зубов отскакивало!

Он обвёл подчинённых суровым взглядом:

— Здоровые лбы, а пасуете перед мальчишкой, который ещё школу не окончил. Самим-то не стыдно?

Оперативники пристыженно понурились. Им действительно стало неловко за свои скудные навыки.

В искусстве совершенствования талант решает всё. Это как с чтением книг: одарённый человек схватывает текст на лету, запоминает с первого раза, видит скрытый смысл и приводит глубокие аналогии. Бесталанному же приходится зубрить часами, спотыкаясь на каждом

слове, и дай бог, если к концу жизни он поймёт хотя бы половину. Стартовые условия изначально неравны.

А если добавить к этому разницу в наставниках, пропасть становится непреодолимой. Чу Вэя обучал сам Хуа Жун — древний патриарх меча, пробудившийся после векового сна. Под его началом даже сухая коряга обрела бы разум, что уж говорить о юноше, которого природа и так щедро одарила талантом.

— Шевелитесь! — прикрикнул Доу Шунь на замерших подчинённых.

Полицейские зашевелились и поспешно заняли свои места. С учётом новоприбывших и самого Доу Шуня их набралось ровно восемь человек.

Конечно, они кокетничали, когда говорили, что не умеют молиться. Просто обычно всю эту нудную работу в Бюро спихивали на их штатного буддийского мастера, вот все и расслабились. Но на самом деле тексты священных писаний входили в обязательную программу подготовки сотрудников Особого отдела, и завалить этот экзамен означало лишиться работы. Так что телефоны никто доставать не стал.

Восемь практиков расселись у мест, где некогда были вбиты гвозди для подавления трупов, образовав живой защитный контур. Закрыв глаза, они в один голос затянули слова молитвы.

Для обряда упокоения использовалась обычная Сутра Сердца. Она прекрасно умирляла буйные помыслы и очищала души от скверны. Когда её читали люди, обладающие духовной силой, да ещё и в рамках древней формации, эффект превосходил все ожидания.

Сян Цин, чьё восприятие обострилось из-за введённой в тело тёмной энергии, заворожённо смотрела на молящихся. Ей казалось, будто из-под земли один за другим поднимаются сияющие золотые иероглифы. Они слетались со всех восьми сторон к центру круга и мягким дождём оседали на тела павших мертвецов. Девушка почувствовала, как с её собственных плеч спадает невидимая, удушающая тяжесть.

Чу Вэй, с детства обладавший природным оком инь-ян, видел гораздо больше. Для него эти золотые знаки были сотканы из чистого, тёплого света. Они бережно окутывали черные клубы скверны, растворяя их в сырой земле пустыря.

Постояв немного, Чу Вэй тоже подошёл ближе. Он сложил ладони у груди, прикрыл веки и тихо присоединился к общему хору. На его бледном лице застыло выражение глубокой, почти неземной скорби. В этот миг он казался прекрасным небожителем, временно спустившимся в мир смертных.

Когда первые лучи утреннего солнца коснулись холодной земли, пламя костров у гвоздей для подавления трупов тихо угасло. Тёплый свет нового дня окончательно разогнал ночные кошмары.

Чу Вэй медленно открыл глаза. Перед ним стояли призрачные силуэты погибших девушек. Они выстроились в ряд и, слабо улыбнувшись, низко поклонились своему спасителю. В следующую секунду их фигуры растаяли в лучах утреннего солнца.

Изнурительная ночная битва подошла к концу. Все были вымотаны до предела. Обряд упокоения завершился, а заботу о телах Доу Шунь полностью взял на себя. Чу Вэй не помнил, когда в последний раз чувствовал себя настолько опустошённым. Силы оставили его, и единственным его желанием было поползти до кровати и провалиться в глубокий сон.

Перед самым их уходом помятый, сонный Доу Шунь снова привязался к юноше с расспросами:

— Ты всё-таки подумай. Родине нужны такие люди, как ты.

Чу Вэй устало покачал головой:

— Извините, сейчас у меня другие приоритеты. Но у меня к вам просьба, офицер. Мне нужна кровь Цзи Хана. Без неё я не смогу снять проклятие с сестры Сян Цин.

Доу Шунь кивнул и пообещал лично привезти флакон. На этом они распрощались.

Едва машина тронулась, Чу Вэй мгновенно уснул, откинувшись на сиденье.

Хуа Жун убавил скорость и заботливо прибавил тепло в салоне. Сам он, несмотря на бессонную ночь, выглядел бодрым, разве что его обычная бледность стала чуть заметнее.

Сян Цин сидела на заднем сиденье молча, уставившись в окно. Образы несчастных погибших девушек никак не шли у неё из головы. Им ведь было всего по восемнадцать-девятнадцать лет — самый расцвет жизни. Как перенесут это их близкие, когда узнают страшную правду?

Дома Чу Вэй так и не проснулся. Последствия применения Техники Поиска Души вкупе с истощением духовных каналов и долгой молитвой подкосили его окончательно.

Хуа Жун бережно вытащил сонного юношу из машины и на руках понёс в дом.

— О, дядя вернулся! Пойду встречу!

Сяо Хуа спешно примчался на виллу спозаранку. Он догадывался, что Чу Вэй застрял у его дяди, и планировал устроить им сюрприз, а заодно выпросить у родственника немного денег на карманные расходы. В последнее время он изрядно потратился на развлечения с друзьями. Отец за отличные оценки, конечно, расщедрился и подарил ему квартиру, но живых денег на руках не густо. Квартира — это хорошо, но сыт ей не будешь, да и жениться Сяо Хуа пока не собирался. Правда, возмущаться вслух он не смел, боясь, что отец отберёт и недвижимость.

Но стоило парню выскочить на крыльцо, как перед ним предстала живописная картина: дядя несёт спящего Чу Вэя на руках.

Чу Вэй спал безмятежно, уткнувшись носом в плечо мужчины — видимо, подсознательно чувствуя себя в абсолютной безопасности.

У Хуа Хайцзюня от удивления глаза на лоб полезли. Он, конечно, догадывался о нежных чувствах дяди к их общему другу, но не думал, что всё зашло так далеко. Дядя, имей совесть, Чу Вэю до совершеннолетия ещё полгода топать!

Где их вообще черти носили всю ночь? В голове у юного наследника тут же зароились весьма пикантные мысли, почерпнутые из рассказов его разгульных приятелей.

— Чу Вэй... вы... — выдавил он, заикаясь.

Хуа Жун лишь мазнул по нему холодным взглядом, без труда разгадав глупые фантазии племянника. Ему до смерти захотелось постучать по этой бестолковой черепушке и проверить, есть ли там хоть капля мозгов.

Проигнорировав племянника, мужчина спокойно поднялся по лестнице на второй этаж.

Хуа Хайцзюнь поймал за рукав проходившего мимо дворецкого и зашептал:

— Дядюшка, а мой дядя всегда теперь такой... бодрый? У него же вроде со здоровьем проблемы были?

Глядя на то, как легко Хуа Жун унёс взрослого парня, трудно было поверить, что ещё полгода назад этот человек балансировал на грани жизни и смерти и неделями не поднимался с постели.

Дворецкий добродушно улыбнулся:

— Последние полгода господин чувствует себя просто замечательно. Отличный аппетит, крепкий сон, ни одного приступа. Врачи руками разводят — говорят, чистейшей воды чудо.

Хуа Хайцзюнь плюхнулся на диван. Фантазия его унеслась в космические дали. В фильмах ведь часто показывают пришельцев со способностями к исцелению. А что, если Чу Вэй — какой-нибудь тайный лекарь, который и поднял дядю на ноги?

Чем больше он об этом думал, тем логичнее казалась версия. Не зря же доктора говорят про чудо. На второй этаж парень соваться не решился — туда дядя пускал только избранных. Спасителю жизни, конечно, положены особые привилегии.

Чу Вэй проспал целые сутки. Когда он наконец открыл глаза, то долго не мог сообразить, какой сегодня день. Зато усталость как рукой сняло.

Он дотянулся до телефона на прикроватной тумбочке: восемь утра. Солнце уже наверняка вовсю заливало улицы.

«Сегодня шестой день нового года. Завтра нужно возвращаться в школу», — подумал он.

От мысли о скором отъезде на душе стало беспокойно. Эти зимние каникулы выдались самыми суматошными, опасными и изматывающими в его жизни, но он ни капли не жалел об этом. Напротив, его переполняло странное чувство глубокого удовлетворения.

И, конечно, он думал о Хуа Жуне.

Чу Вэй не мог подобрать слов, чтобы описать свои чувства к этому человеку. С первой встречи его тянуло к нему, а теперь эта привязанность крепла с каждым днём. В присутствии Хуа Жуна ему становилось тепло и сладко, но вместе с тем сердце щемила глухая тревога. Ведь завтра они расстанутся на долгие месяцы.

Юноша не понимал природу этой тоски, но она уже пустила глубокие корни в его душе.

Тихий стук прервал его мысли. Дверь приоткрылась, и в комнату вошёл Хуа Жун.

Он привычным жестом присел на край кровати, ласково коснулся щеки юноши, а затем шутливо щелкнул его по носу. Сняв с вешалки свежую одежду, мужчина протянул её Чу Вэю:

— Поднимайся, соня. Пора завтракать, ты целые сутки маковой росинки во рту не держал.

Чу Вэй мгновенно отвлёкся от грустных мыслей. Желудок согласно заурчал — он действительно ужасно проголодался.

После сытного завтрака Хуа Жун вручил ему стеклянный флакон, наполненный тёмно-красной жидкостью.

Это была кровь Цзи Хана, которую накануне доставил Доу Шунь.

Глядя на флакон, Чу Вэй почувствовал укол лени. Завтра уезжать, а ему приходится тратить последний день на чужие проблемы. Как же хотелось остаться здесь, на этой вилле, просто посидеть перед телевизором рядом с Хуа Жуном и ни о чём не думать.

Но долг есть долг. Собравшись с духом, он забрал кровь и отправился к Сян Цин.

Поскольку тёмная скверна больше не терзала Сян Цин, снять само проклятие не составило большого труда. Чу Вэй провозился около полудня. На прощание девушка попыталась всучить ему плотный красный конверт с деньгами.

Чу Вэй наотрез отказался принимать плату, но Сян Цин силой впихнула конверт ему в руки.

— И слышать ничего не хочу! Это не плата за работу, а праздничный подарок на Новый год. Ты спас мне жизнь, даже пообедать с собой не разрешаешь. Неужели откажешься от такого скромного подношения?

Против напора девушки устоять было невозможно, и Чу Вэю пришлось спрятать конверт в карман.

Сян Цин всё ещё выглядела бледной — череда жутких событий изрядно потрепала ей нервы. Однако её природный оптимизм быстро взял верх. Она озорно подмигнула парню, хотя её манеры стали заметно сдержаннее:

— Ну что, мелкий, если бы не ты, лежала бы я сейчас в сырой земле. Слышала, ты завтра уезжаешь? Когда в следующий раз будешь в Столице, с меня шикарный ресторан!

Теперь Сян Цин искренне полюбила этого мальчишку. Без прежних глупых заигрываний и желания потискать симпатичного парня — это было чистое, тёплое отношение старшей сестры к младшему брату.

— Скоро вернусь, — серьёзно пообещал Чу Вэй. — Сдам экзамены и приеду поступать в Столичный университет.

— Ого, какая уверенность! — рассмеялась Сян Цин.

Чу Вэй кивнул:

— Всё получится.

В его голосе не было бахвальства — он просто констатировал очевидный факт, словно речь шла о покупке хлеба. Раз решил — значит, сделает.

Сян Цин на миг лишилась дара речи, но почему-то поверила ему сразу и безоговорочно.

— Договорились. Буду ждать.

Договорить им не дал Хуа Жун, бесцеремонно утащив Чу Вэя за собой.

Чу Вэй скользнул взглядом по их переплетённым пальцам. Странно, когда именно они начали так запросто держаться за руки? Он и сам не заметил, как это вошло в привычку, и сейчас этот жест казался ему самым естественным делом на свете.

Хуа Жун вёл его по тропинке к дому.

— Билеты на самолёт я уже взял. Рейс завтра в десять утра. Хотел сначала на вечер отложить, но побоялся, что ты не успеешь обустроиться до начала занятий.

Чу Вэй тихо вздохнул:

— Хорошо.

— Завтра я сам отвезу тебя в аэропорт, — продолжил Хуа Жун. — Твои духовные каналы ещё не полностью восстановились, так что старайся поменьше усердствовать и побольше отдыхай.

— Угу.

Мужчина внезапно остановился. До виллы оставалось всего пару шагов, но они замерли прямо посреди дороги.

Повернув юношу к себе, Хуа Жун мягко спросил:

— Что с тобой? Весь день сам не свой. Всё ведь закончилось хорошо, ты проделал отличную работу.

Чу Вэй упорно разглядывал носки своих ботинок, всем своим видом выражая крайнюю степень уныния.

Хуа Жун аккуратно приподнял его лицо за подбородок и заглянул в глаза:

— От меня-то не скрывай. Рассказывай, что стряслось?

Глядя на любимое лицо, Чу Вэй почувствовал, как к горлу подступает горький ком. Он преданно уставился на мужчину:

— Хуа Жун... я ведь завтра уезжаю.

Хуа Жун уловил тоску в его взгляде, и его сердце сжалось от нежности.

— Не хочешь уезжать, глупыш? — тихо спросил он.

Чу Вэй мотнул головой:

— Дело не в этом.

— Тогда в чём? Неужели... будешь скучать по мне?

Чу Вэй замер, а затем выдохнул:

— Я смогу вернуться только в июне.

Впереди ждали изнурительные месяцы подготовки. Свободного времени не предвиделось вообще, так что вырваться в Столицу до конца экзаменов он точно не сможет. Раньше полгода казались ему сущим пустяком, но сейчас мысль о столь долгой разлуке отозвалась в груди острой, невыносимой болью. Полгода... это же целая вечность.

Глядя на притихшего юношу, Хуа Жун почувствовал, как лавина чувств, которую он так долго и тщательно сдерживал в самых потаённых уголках души, грозит вырваться наружу. Он ждал этого слишком много лет, провёл бесчисленное множество одиноких ночей в холодном склепе, и теперь вся его выдержка едва не рухнула от пары робких слов этого мальчика.

У Чу Вэя покраснели глаза. Он смотрел на мужчину с такой отчаянной преданностью, что в голосе его прорезались едва слышные слезы:

— Хуа Жун... я действительно буду очень скучать.

Чу Вэй никогда раньше не знал, что значит тосковать по кому-то. Это было совсем не то чувство, которое он испытывал к ушедшему Шифу. Эта новая эмоция глухой, тягучей болью ворочалась в груди, мешая дышать. Почему так тяжело на душе, ведь полгода пролетят незаметно?

Услышав это признание, Хуа Жун больше не мог сдерживаться. Он шагнул вперёд и крепко прижал юношу к себе.

Мужчина обнял его за талию, уткнувшись подбородком в хрупкое плечо. Сила его объятий была такова, словно он пытался навсегда впечатать Чу Вэя в себя, сделать их единым целым. Но время говорить важные слова ещё не пришло — нужно подождать хотя бы до лета.

Хуа Жун прикрыл глаза, вдыхая тонкий, едва уловимый аромат чистой кожи на шее парня. Этот родной запах мгновенно утихомирил бушевавшую в его душе бурю, даруя долгожданное умиротворение.

Чу Вэй обнял его в ответ, уткнувшись носом в тёплую куртку. Он не понимал истинного значения этих объятий, но сейчас только так мог унять ноющую тоску в груди.

— Ну что ты за глупый ребёнок? — негромко рассмеялся Хуа Жун, отстраняясь и беря себя в руки. — Будешь скучать — просто позвони. Мы можем общаться по видеосвязи хоть каждый день.

Чу Вэй шмыгнул носом и буркнул:

— Это совсем другое.

Хуа Жун впервые видел его таким: обычно колючий на язык парень сейчас казался мягким, растерянным и ласковым, точно домашний котёнок.

Мужчина ласково взъерошил его волосы:

— Раз ты не можешь приехать ко мне, значит, я сам приеду в уезд Цин.

Чу Вэй мгновенно вскинул голову, и его глаза вспыхнули радостным блеском:

— Правда?!

— Конечно правда, — с улыбкой подтвердил Хуа Жун.

Мальчишку было так легко порадовать — одно простое обещание заставило его расцвести.

И тут Чу Вэй стало неловко за свою минутную слабость. Надо же, развёл тут сырость на ровном месте, точно девчонка малая. Подумаешь, уезжает на полгода — не на войну ведь собирается. Стыдобища какая!

Пытаясь скрыть смущение, Чу Вэй поспешно развернулся и зашагал к вилле.

Хуа Жун смотрел ему вслед, медленно разжимая кулаки, заведённые за спину. Одному небу известно, каких трудов ему стоило сдержаться мгновение назад.

— Хуа Жун, ты чего застрял? — окликнул его Чу Вэй с холма.

Мужчина поднял голову, стирая с лица остатки былых терзаний, и тепло отозвался:

— Иду.

Приехал Чу Вэй с одним скромным рюкзаком, а уезжал с огромным, тяжеленным чемоданом. Хуа Жун купил ему столько одежды, что старые вещи юноши, казалось, бесследно затерялись в этом ворохе. К тому же заботливый дворецкий велел повару приготовить в дорогу сладости — небольшая коробочка с ароматным печеньем теперь аккуратно покоилась в боковом кармане рюкзака.

Только в аэропорту Чу Вэй вспомнил, что совершенно позабыл про своего соседа по комнате.

Он уже достал телефон, собираясь написать ему, как вдруг за спиной раздались ленивые шаги.

— А я уж думал, ты и про начало семестра забыл, — донёсся до него знакомый скучающий голос Хуа Хайцзюня.

Чу Вэй заблокировал экран и, вспомнив недавнюю встречу в торговом центре с его весёлой компашкой, язвительно парировал:

— Чья бы корова мычала. Не ты ли сам едва не пропустил все сроки?

Хуа Хайцзюнь закашлялся, прикрыв рот ладонью — воспоминания о глупых выходках Лао Ху до сих пор вызвали у него неловкость.

— Ладно, ладно, один-один. Пошли уже, посадку объявили.

Когда самолёт взмыл в облака, Чу Вэй открыл галерею в телефоне и бережно установил новое фото на заставку.

Это было их единственное совместное селфи, которое он со смехом вытребовал у Хуа Жуна перед самым вылетом. Два лица едва уместились в кадре — вышло немного нелепо, но до безумия мило.

Если и можно было описать второй семестр выпускного класса одним словом, то этим словом была «гонка». Безумная, беспощадная гонка со временем, перед которой бледнели любые чрезвычайные происшествия.

Время неумолимо таяло, цифры на классной доске, отсчитывающие дни до экзаменов, уменьшались с пугающей быстротой. Все бегали как заведённые. И только Чу Вэй ухитрялся сохранять олимпийское спокойствие, привычно курсируя между школой, общежитием и столовой.

Он успевал всё: прилежно учиться, тренировать духовные каналы, вовремя есть, спать и при этом железной рукой контролировать успеваемость Хуа Хайцзюня.

После поездки в Столицу юноша заметно повзрослел. Он больше не звал Шифу по каждому пустяку, а возникающие во время медитаций преграды старался преодолевать самостоятельно.

Дни летели незаметно. Наступил май, принес с собой долгожданное тепло, а вместе с ним приближался и восемнадцатый день рождения Чу Вэя. Совсем скоро он станет официально взрослым.

Они с Хуа Жуном переписывались каждый день. Чу Вэй строчил ему обо всём на свете: о школьных курьезах, о том, что ел на обед, делился всякой бытовой чепухой. Письма были глупыми и ни о чём, но они оба ждали их с нетерпением.

Хуа Жун порывался приехать несколько раз, но Чу Вэй каждый раз мягко отказывал. Он считал себя достаточно взрослым, чтобы не раскисать от тоски и не вешаться на шею мужчине, как капризный ребёнок. За те нежные признания, что он наговорил перед отъездом, ему до сих пор было немного совестно. Подумаешь, Столица далеко — скоро экзамены закончатся, и они увидятся. Можно и потерпеть.

Хуа Жун не настаивал, послушно следуя желаниям своего юного друга. Хотя какой он уже друг... Да и не ребёнок вовсе, ведь совершеннолетие буквально на носу.

Май выдался невероятно тяжёлым. До экзаменов оставались считанные недели, и каждый день ценился на вес золота. Даже самые заядлые прогульщики и балагуры притихли, раздавленные колоссальным давлением грядущего испытания.

Стоило прозвенеть звонку с последнего урока, как ученики с облегчением выдыхали и гурьбой неслись в столовую, чтобы успеть перекусить перед вечерней самоподготовкой.

Чу Вэй проверил очередную тренировочную работу Хуа Хайцзюня и сокрушённо вздохнул.

Этот парень в моменты озарения соображал быстрее компьютера, но порой тупил так, что любая упрямая скотина позавидовала бы. Стоило в задаче заменить условного Сяо Мина на Сяо Хуна, как формула вылетала у него из головы, и он снова лепил глупые ошибки.

Выставив оценку, Чу Вэй распечатал на портативном принтере несколько аналогичных заданий. Этот гаджет Хуа Хайцзюнь купил специально, чтобы не переписывать ошибочные задачи вручную — невероятно полезная штука, учитывая количество его промахов.

Закончив с делами, Чу Вэй собрал рюкзак. Будучи единственным учеником в классе, освобождённым от вечерних занятий, он ловил на себе завистливые взгляды одноклассников. Хуа Хайцзюнь, чьи пробные тесты оставляли желать лучшего, был вынужден остаться в кабинете и теперь провожал друга полным тоски взором.

Вернувшись в общежитие, Чу Вэй наскоро принял душ, переоделся и вышел на улицу. Он

решил наведаться в родную деревню, чтобы проведать дедушку.

Обычно он выбирался туда по воскресеньям, но днём в деревне всегда полно любопытных глаз, поэтому юноша предпочёл ночную прогулку.

Ночной лес встретил его тишиной. Обычный человек ни за что не рискнул бы сунуться в эти дебри впотьмах, но Чу Вэю бояться было некого — любая нечисть при его приближении сама улепетывала без оглядки. Эти места он знал как свои пять пальцев, так что дорога через чащу не заняла много времени.

Старый дом встретил его привычным запустением. Из-за долгого отсутствия хозяев углы затянуло густой паутиной. Без человеческого тепла деревянные постройки быстро дряхлеют; этот ветхий домишко уже едва держался, и, казалось, пара сильных гроз превратит его в грудку обломков.

Чу Вэй постоял у калитки, а затем направился к дедовской могиле на окраине леса.

Опустившись на колени перед скромным холмиком, он негромко заговорил:

— Дедушка, надеюсь, ты уже благополучно переродился и обрёл покой. Не знаю, слышишь ли ты меня... После экзаменов я уеду в Столицу и вряд ли когда-нибудь вернусь сюда насовсем.

— Ты всегда твердил, что мне нужно хорошо учиться, поступить в приличный университет и показать тебе мир. Я своё обещание сдержал, а вот ты подвёл — ушёл на перерождение, даже экзаменов моих не дождался.

— Спасибо тебе за то, что вырастил меня. Настоящих родителей я искать не собираюсь, а вот твоих непутёвых сына с невесткой постараюсь отыскать. Пусть приедут и поклонятся твоей могиле. Если захочешь наказать их за предательство — не сдерживай себя.

Чу Вэй замолчал, подбирая слова. На душе было тепло и немного грустно.

— Дедушка, через пару дней мне исполнится восемнадцать. Совершеннолетие.

— Только вот время для праздника совсем неподходящее. Будь моя воля, я бы сорвался в одно место... Очень хочется, чтобы этот день со мной провёл один человек.

— Но я не могу позволить себе такую глупость. Заставлять его ехать в такую даль ради одного дня — эгоистично, мне неловко. Хотя, признаться честно, ужасно хочется обнять его снова.

Высказав всё, что наболело, Чу Вэй почувствовал неимоверное облегчение. Он уже собирался подниматься, как вдруг воздух рядом задрожал, и из серебристого марева соткался силуэт его

Шифу.

Чу Вэй просиял:

— Шифу! Откуда вы здесь в такой час?

Призрак наставника подошёл к могиле. Взмахнув широким рукавом, он поднял лёгкий вихрь, который начисто смёл палую листву и пыль с надгробия.

— Скоро твой восемнадцатый день рождения, — негромко произнёс он.

Чу Вэй ждал этой даты с особым трепетом. Для него совершеннолетие было не просто цифрой в паспорте, а важным ментальным рубежом, после которого жизнь должна измениться.

Юноша улыбнулся:

— Вы помните?

Но тут же смутился своей глупости:

— Ну конечно. Вы единственный, кто никогда не забывал про этот день.

Дедушка под конец жизни часто путал даты, так что Шифу действительно оставался единственным хранителем его маленького праздника.

Наставник мягко коснулся его плеча:

— Чего бы тебе хотелось получить в подарок?

Чу Вэй неловко взъерошил волосы. Эти ласковые жесты Шифу неуловимо напоминали ему повадки Хуа Жуна — тот тоже обожал ерошить ему макушку или щипать за щёки.

— Да мне ничего особо и не нужно. Главное, чтобы близкие были живы и здоровы.

Шифу внимательно посмотрел на ученика. За последние месяцы парень заметно вытянулся и теперь стоял почти вровень с ним. В прозрачных глазах наставника отразилась глубокая, вековая нежность. Ему отчаянно хотелось по-настоящему обнять своего воспитанника, но призрачное тело не имело веса.

— Раз так, я сам выберу подарок. Всё-таки совершеннолетие — событие важное, здесь нельзя

торопиться.

Чу Вэй согласно кивнул. Шифу проводил его до опушки леса у самой школьной ограды.

Юноша не мог избавиться от тревожного предчувствия: после их возвращения из Столицы призрачный силуэт наставника становился всё бледнее с каждым его появлением. Прежде Чу Вэй мог различить каждую ниточку на его одежде, а теперь очертания Шифу расплывались, стираемые ночной прохладой. И дело было вовсе не в темноте.

Чу Вэй не выдержал и протянул руку, пытаясь коснуться его плеча. Как и следовало ожидать, пальцы безвредно прошли сквозь холодный туман.

— Шифу... почему я почти не вижу вас? — с замиранием сердца спросил он.

Раньше его облик казался почти осязаемым.

Хуа Жун посмотрел на своего ученика. Приближался день совершеннолетия, и древний патриарх мучился нелёгким выбором: открыть ли мальчику правду о том, кто он такой на самом деле, или умолчать о главном — о том, что призрачная проекция исчерпала свои силы.

Его Шифу вот-вот должен был исчезнуть навсегда.

<http://bllate.org/book/19040/1961064>